

Сергей Дмитриев

Краткий обзор истории формирования коллекций Российского этнографического музея по народам Ближнего Востока¹

Появление коллекций, относящихся к этнографии народов Ближнего и Среднего Востока, а также некоторых других коллекций в фондах Этнографического отдела Русского музея (далее — ЭО; в настоящее время — Российский этнографический музей, далее — РЭМ) требует специального разьяснения. Связано это прежде всего с историей основания ЭО и первоначальной концепцией его развития и принципов формирования коллекций.

Как известно, Русский музей императора Александра III был основан в апреле 1895 г. В состав музея должно было входить три отдела: 1) посвященный памяти императора Александра III, 2) художественный и 3) этнографический и художественной промышленности.

Основание Русского музея и его этнографической коллекции было логичным итогом процесса развития идеи национального самосознания в России, впервые озвученной в начале XIX в. в статьях Ф. Аделунга и В.Г. Вихмана (входивших в так называемый «румянцевский кружок»), в которых говорилось о необходимости создания «отечественного» или «национального музея»

Сергей Васильевич Дмитриев
Российский
этнографический музей,
Санкт-Петербург
rem_dsv@mail.ru

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант РГНФ 05-01-01067а).

[Аделунг 1817; Вихман 1821]. Эти идеи не нашли тогда широкого общественного отклика, поддержки двора и, соответственно, своего развития. Однако они встретили отклик в широких кругах общества, что, в частности, выразилось в попытках создания «Отечественного музеума» П.П. Свинына [Дмитриев 2004а: 186–193] и вице-президента Академии художеств князя Г.Г. Гагарина [Дмитриев 2006: 118–125].

После реформ, начатых вслед за отменой крепостного права, обстановка изменилась. Бурное развитие капиталистических производственных сил и отношений способствовало развитию российского национального самосознания. Эта тенденция имела широкий общественный резонанс. «Русская идея» и ее содержание широко обсуждались в научной литературе и публицистике, ей отдали дань философы (А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев, В.С. Соловьев), историки (Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров), писатели (Ф.М. Достоевский) [Гулыга 2003]. И на волне этих умонастроений, как один из их результатов, в начале 1870-х гг. в Москве был основан, а в 1883 г. открыт Российский исторический музей под патронажем императорского двора.

Та же волна национального самосознания привела к созданию и Императорского Русского музея Александра III в Санкт-Петербурге, и Этнографического отдела в его составе.

Основанию ЭО предшествовала длительная дискуссия о его направлении, в которой принимали участие многие ведущие ученые и государственные деятели тех лет. В ходе нее в основном обсуждался вопрос о том, «какую этнографию нужно иметь в виду, говоря о будущем Этнографического отдела музея: этнографию народов, живущих в пределах Российской империи, или всемирную этнографию» [Могилянский 1912: 479].

В результате дискуссий, проходивших на совещаниях, созданных под председательством августейшего управляющего Русским музеем императора Александра III великого князя Георгия Михайловича, была выработана формула, по которой ЭО и жил весь первый период своего существования. Согласно этой формуле, он был ориентирован на этнографию «Российской империи, славян и сопредельных территорий» [Там же: 477]. При этом под «сопредельными территориями» понимался достаточно широкий круг стран, в их число входили, например, не только Китай, Афганистан, Иран, действительно граничившие с Российской империей, но и Абиссиния [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 12–12об.].

Большинство членов Предварительной совещательной комиссии, созданной для выработки основных направлений ЭО,

согласилось с тем, что «в силу Высочайшего Указа будущий музей должен иметь главным своим предметом всестороннее этнографическое изучение России», и «не признало возможным включить в область его ведения страны, не имевшие никакого отношения к ее культуре, с которыми у нее не имеется прочной связи» [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. С. 14].

Политический, имперский характер музея подчеркивался статусом «Центрального Государственного музея»; было «признано необходимым определить объем Музея в общих чертах следующим образом: Россия, славянство и сфера русского культурно-политического влияния на востоке. По мере роста этого влияния должен вместе с тем, отвечая запросам жизни, расти и самый музей» [Там же].

Такое определение направления при формировании музея находилось в русле общего развития этнографической науки тех лет. Как известно, этнография как наука выделилась в середине XIX в. в сильных колониальных государствах. Для появления этой новой (для того времени) науки были свои и общественно-политические, и чисто идеологические условия. Одно из них состояло в том, что капиталистические государства Европы обзавелись к тому времени обширными заморскими колониями, в которых проживало разноплеменное и разноязычное население; этим населением надо было управлять, а для этого необходимо что-то о них знать. В этой связи ощущалась потребность обобщить, осмыслить накопленные ранее сведения, привести их в систему [Токарев 1978: 14].

Лидером в этом отношении была Англия как крупнейшая колониальная держава. По словам Джона Леббока, одного из основоположников этнографической науки в этой стране, «изучение дикой жизни имеет особенную важность для Англии, составляющей великую державу, колонии которой рассеяны по всем частям света и в числе граждан которой есть люди, стоящие на всех ступенях цивилизации» [Леббок 1876: 8]. Политические установки этнографии — национализм и империализм — нашли свое воплощение в формировании крупнейших европейских и американских этнографических музеев [Функ 1933].

Значение этнографической науки для Англии, сформулированное Дж. Леббоком, перекликалось с основными задачами при формировании ЭО Русского музея — что характерно, так как Россия того времени также была крупнейшей колониальной державой, продвинувшейся в XIX в. далеко в Центральную Азию. Обоснование такого движения для России дается, в частности, в «Проекте Устава товарищества для развития торговли с Среднею Азиею», опубликованном С. Хрулевым в 1863 г.

Там, в частности, декларируется, что «Россия должна непрерывными торговыми сношениями внести в Среднюю Азию влияние твердое и прочное, которое было бы гораздо существеннее приобретаемого громкими победами. Для торговли европейской и для русской в особенности весьма важен рынок Средней Азии и приближение наших торговых операций к северным границами Индии, а еще более к западным странам Китая <...> В настоящее время при некоторых условиях, заводы, фабрики, мануфактуры нашего отечества не могут соперничать с европейскими. Для их произведений можно найти сбыт только у народов, находящихся на низшей степени развития, сравнительно с нами», а именно — на Востоке [Хрулев 1863: 14].

В это время идет активное освоение нового экономического пространства, присоединяемые территории втягиваются в общероссийский рынок. Этому должны были способствовать региональные и общероссийские ярмарки и выставки, на которых, в том числе для нужд музеев и частных коллекций, приобретались предметы, имевшие этнографическое значение и вошедшие в конечном счете и в фонды ЭО Русского музея, и в фонды других музейных учреждений.

Это последнее направление — Восток, заявленное при основании ЭО Русского музея, проявилось сразу же, в первые годы деятельности отдела. И в частности, уже с 1902 г. начали формироваться его ближневосточные и среднеазиатские коллекции.

Собрание музея по народам Ближнего и Среднего Востока можно разделить по истории поступления на три группы. Первая — коллекции, собранные сотрудниками музея и государственными чиновниками, действовавшими по поручению ЭО. Это наиболее ценная в научном отношении его часть. Вторая группа — единичные и малосерийные поступления от частных лиц. К третьей группе мы относим передачи из других крупных коллекций, как частных, так и государственных.

Собрание РЭМ по описываемому региону включает в себя коллекции по туркам, курдам, айсорам, туркменам, иранцам и некоторым другим народам. Формировались они в основном в дореволюционный период, к которому примыкают и первые послереволюционные годы. Отдельные поступления были в более позднее время.

Турецкая коллекция в значительной степени составлялась путем покупок от частных лиц и передач из национализированных собраний (в основном это ковровые и ювелирные изделия, холодное и огнестрельное оружие, столовая утварь и кофейные

приборы). Тем интереснее поступления от великого князя Георгия Михайловича, художника А.П. Эйснера, сотрудничавшего с ЭО (в дальнейшем профессора Академии художеств) (о нем: [Селинкова 2004: 159–165]), художника академика Л.В. Дмитриева-Кавказского и особенно крупного востоковеда академика А.Н. Самойловича (тогда хранителя Восточного музея факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, а позднее, в 1928 г., сотрудника и одно время директора ЭО [Решетов, Дмитриев 2007: 265–270], и с 1934 г. — директора Института востоковедения АН СССР). Среди собранных им вещей особое место занимает коллекция фигур из кожи — персонажей кукольного театра теней, привезенная летом 1911 г. из Турции, где он совершенствовался в турецком языке [Кононов 1989: 210]. Тогда же, по-видимому, им были собраны и лубочные картинки с изображениями последнего османского султана Мухаммеда V.

В 1919 г. от известного тюрколога Н.Н. Мартиновича (работавшего в музее в 1919–1921 гг. — в период, предшествовавший его эмиграции) в ЭО поступили негативы и фотоотпечатки, сделанные им во время его поездок в Малую Азию и Египет. От него же в 1914 г. поступил в ЭО турецкий кинжал.

Интересны также рисунки гуашью, переданные в музей уже в 1977 г. В.Я. Грасс. На них изображены турецкие этнографические типы (женщины, дервиши, персонажи улицы, а также генералы, офицеры и солдаты турецкой армии середины и второй половины XIX в.). Подписи под рисунками сделаны с использованием французской транскрипции, а частично — по-французски. Автор изображений неизвестен, но, судя по подписям, в которых турецкие слова частично искажены, он мог быть французом. По словам В.Я. Грасс, эти изображения вместе с персидскими миниатюрами и рисунками Виппера (к сожалению, о художнике не приводится никаких других сведений, кроме фамилии; возможно, это известный историк искусства Б.Р. Виппер) были приобретены за несколько лет до передачи в музей Гвидо Дацманисом «у одного профессора» (по предположению сотрудницы музея Е.С. Волоховой, регистрировавшей коллекцию, возможно, у самого Виппера).

Довольно значительная коллекция турецких вещей поступила в 1923 г. в ЭО в составе крупного собрания врача Красного Креста П.В. Щусева, старшего брата известного архитектора А.В. Щусева (в это собрание входили также большие дальневосточные и эфиопские коллекции). Из вещей турецкого происхождения в ней были куклы народного театра, косметические принадлежности, флаконы и пузырьки для их хранения,

предметы гигиены, гребни, амулеты, украшения, инструменты для вышивания и ткачества, ножи и один кинжал.

Несколько турецких вещей, в основном оружие, попали в фонды ЭО вместе с коллекцией черногорского подданного, студента Санкт-Петербургского университета М.М. Меденицы (позднее, до 1921 г., работавшего в Русском музее). В 1919 г. в музей из большой восточной коллекции Н.В. Щегловой поступила завеса из мечети в Константинополе.

Коллекция РЭМ по айсорам небольшая, но в целом неплохо атрибутированная. Собрана она главным образом трудами помощника агента Урмийского агентства учетно-ссудного банка Персии А.Н. Петрова (костюмы, вышивка, предметы быта, украшения и т.д.) и многолетнего сотрудника ЭО, а в послереволюционные годы — директора Русского музея, известного кавказоведа и археолога А.А. Миллера. Коллекция последнего образовалась в результате его «Ванской экспедиции» в 1916 г. в г. Урмия (персидская провинция Азербейджан) и в район г. Ван (к айсорам-беженцам). А.А. Миллер производил сбор коллекции в тылу русской кавказской армии во время боевых действий, которые она вела в I мировую войну на территории Турецкой Армении [Дмитриев 2004б: 152–159]. В эти годы, после антиосманского восстания 1914 г. и последовавшего вслед за ним геноцида со стороны турецких и курдских экстремистов, из Турции в соседние государства (в том числе в Россию и Персию) хлынул поток айсоров-беженцев. Таким образом, в коллекции РЭМ представлены материалы по персидским и турецким (но, видимо, не ванским) айсорам, чем объясняется их некоторое этнографическое отличие друг от друга.

Небольшая, но хорошо атрибутированная коллекция по кавказским туркменам отражает культуру двух их групп — туркмен турецких (Карсская область) и ставропольских.

На территорию Северного Кавказа туркмены переселялись в основном с Мангышлака. Основное их ядро составила племенная группа чаудыр (човдур). В 1825 г. было образовано особое Туркменское приставство, занимавшее территорию на северо-востоке Ставропольской губернии. С уменьшением земельных площадей (что было связано с увеличением пахот русского населения) по инициативе российского правительства были предприняты шаги к переходу туркмен-кочевников на оседлый образ жизни. Первые оседлые аулы появились в начале 1860-х гг. Среди них в 1865 г. был образован и аул Чур, в котором была собрана коллекция вещей, находящихся ныне в РЭМ. Собрал эту коллекцию А.Н. Самойлович во время поездки летом 1912 г. в Ставрополье и Крым, где он читал лекции по грамматике крымско-татарского языка для учителей-татар

и одновременно собирал материалы по тюркским языкам и этнографии [Отчет 1912: 235–23; Радлов, Бартольд 1913: 30; Самойлович 1913: 54–74; 6; Кононов 1989: 210].

Вторая коллекция туркменских вещей собрана в Закавказье, в Карсской области. На момент сбора это была территория Российской империи, которая перешла к ней по 58-му параграфу Берлинского трактата, подводившего итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. После распада Российской империи эта область принадлежала Армении, но затем отошла к Турции в результате армяно-турецкой войны 1921 г.

На территории нынешней Турции туркмены появились во времена сельджукских завоеваний (XI–XII вв.). Наиболее крупные и компактные их группы проживают в юго-восточной и центральной Анатолии. Отдельные группы встречаются на северо-востоке Турции, в том числе в вилаете Карс, куда они были переселены «из глубин Анатолии» [Массальский 1887: 20], по-видимому, из района Сиваса. Этот факт оказал значительное влияние на комплекс их материальной культуры, в частности, на их костюм — в нем чувствуется влияние турецкого и курдского комплексов, что ярко представлено в коллекции РЭМ. Коллекция по культуре карсских туркмен собрана студентом Санкт-Петербургского университета А.А. Флоренским (братом известного русского философа П.А. Флоренского, в дальнейшем известным геологом) в ходе его командировки на Кавказ, в частности в Карсскую область, в 1914 г. по поручению ЭО.

Курдская коллекция РЭМ начала формироваться с 1903 г. и отражает культуру разных групп курдов (Персии, Грузии, Турции, Армении). Собиралась она сотрудниками музея, а также лицами, действовавшими по его поручению. Кроме того, значительны поступления из Санкт-Петербургского университета и Государственного Эрмитажа, а также из Музея народов СССР. Некоторое количество курдских вещей передано частными лицами. В формировании коллекции принимали участие известный востоковед, хранитель ЭО К.А. Иностранцев [Милицанд 1977: 227–228; Васильева 1986: 16–20; Васильева 1991: 114–126; Васильева 1992: 41–51; Сотрудники 2004: 70–71], его преемник на этом посту А.А. Миллер, художник Л.Е. Дмитриев-Кавказский, великий князь Борис Владимирович, караимский гахан, известный востоковед С.М. Шапшал. Отдельные предметы поступили в составе коллекций Ф.М. Плюшкина и В.Н. Оранжереевой.

В 1905–1907 гг. курдские коллекции ЭО значительно пополнились в результате сборов урмийского агента Российского учетно-срудного банка в Персии А.Н. Петрова. В ее состав

входили оружие, предметы вооружения, быта, одежды, а также фотографии.

В 1910 г. по поручению ЭО на Кавказе проводил сбор экспонатов А.П. Эйсер. К сожалению, архивные материалы, находящиеся в РЭМ, не содержат дополнительных сведений по истории формирования его коллекции [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 728]. Несколько экспонатов по курдам-езидам Карсской области в 1914 г. поступило в ЭО от В.Н. Ефремова, а в 1916 г. по персидским курдам — от великого князя Бориса Владимировича. В 1902 г. во время своей экспедиции в Елизаветпольскую область приобрел курдский ковер К.А. Иностранцев.

Большая коллекция по курдам-езидам поступила в музей в результате командировки корреспондента ЭО Ашхар-бек Андреевича Лорис-Калантара (Лорис-Мелик-Калантар, в дальнейшем действительный член Института наук и искусств Армении, ученый секретарь Комитета охраны древностей Армении) в Эриванскую губернию и Карсскую область в 1912–1915 гг. Во время своей поездки он пользовался поддержкой родоначальника всех курдов на Кавказе Усуб-бека (сына Хасан-аги Тей-Мурова), Хачатур-бека Мелик-Вартанесяна, Арташеда Пахлавуня, секретаря Усуб-бека Тадевоса Григоряна, управляющего Сурмалинского училища (в Заре) Исаака Фгродовича Марогулова, от которого получил в дар курдский клинок старинной работы [Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 380. Л. 12]. Результаты работы 1912–1915 гг. были отмечены благодарностью, вынесенной А.-б. А. Лорис-Мелик-Калантару советом ЭО Русского музея [Там же. Л. 16].

После 1917 г. активная собирательская работа по теме «курды» в ЭО надолго замерла. Только в 1961 г. в Тбилиси сотрудником музея А.Л. Натансон для экспозиции «Новое и традиционное в жилище и одежде народов Советского Союза» была приобретена коллекция, содержащая современный женский курдский костюм.

В 1981 г. в Армении, в местах расселения курдов-езидов, побывала сотрудник музея Э.Г. Торчинская. В маршрут ее поездки вошли в основном районы Арагацкий, Талинский, Масисский и Варденисский. В ходе командировки Э.Г. Торчинская работала с группой сотрудников Музея этнографии Армении (руководитель группы А.А. Погосян); в селение Демурчи она выезжала в сопровождении научного сотрудника Института востоковедения АН Армении М.Х. Дарвешяна, курда по национальности. В результате работы были приобретены 52 предмета (49 номеров) вещевого фонда. В основном это одежда, украшения, ковровые изделия, утварь, детали конской упряжи [Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2011].

Персидская коллекция также относится к числу наиболее ранних в собрании музея. Уже в 1902 г. поступили экспонаты от К.Х. Середина (дервишская чашка для сбора подаяния); регистратора ЭО А.П. Рогозиной (две пары носков, приобретенных в Закаспийской обл.); студента восточного факультета, корреспондента ЭО, а впоследствии известного археолога, заместителя директора Кавказского историко-археологического института С.В. Тер-Аветисяна, совершившего в 1902 г. по заданию ЭО «экскурсию» в Персию (он передал также небольшую коллекцию по гебрам). Дальнейшая история создания этой коллекции достаточно длительна — последние поступления датируются уже XXI в., но в основном фонд ее сформировался в первой трети XX в.

Среди фондообразователей иранской коллекции РЭМ — уже упоминавшийся выше помощник агента Урмийского агентства учетно-ссудного банка Персии А.Н. Петров, много лет работавший в Персии — от него поступила богатая коллекция, в состав которой вошли одежда, предметы вооружения и быта, фотографии. Чиновник особых поручений при главноуправляющем торговым мореплаванием и портами великом князе Александре Михайловиче князь Н.И. Амадуни совершил несколько секретных торговых экспедиций по Ближнему и Среднему Востоку, из которых им были привезены и переданы в ЭО одежда разных племен, населяющих Персию (в том числе гебров), предметы конской, верблюжьей, ослиной упряжи и убранства, инструменты ремесленников, предметы домашней утвари; принадлежности для курения опиума и т.д. От А.-б. А. Лорис-Мелик-Калантара поступили одежда (в том числе гебров и дервишей) предметы домашнего обихода, кальяны, фотографические снимки Испагани, народные картинки, акварели, предметы мусульманского культа и т.д. Передавали персидские вещи в музей Л.Е. Дмитриев-Кавказский, А.А. Флоренский, С.В. Тер-Аветисян, П.П. Жеребин, Магомед Язды, генерал-майор С.И. Похитонов (от него, в частности, поступили 4 картона с акварельными рисунками персидских типов «работы персидского художника-самоучки»), вдова генерала Ж.О. фон Петерс, Ж.Б. Филиппева, вдова генерала от кавалерии Губайдуллы Чингисхана Ф.В. Чингисхан (см.: [Дмитриев 2007б: 114–123]), студент-медик, а впоследствии профессор-физиотерапевт М.О. Зандукелли, архитектор, художник, историк искусства, академик Академии художеств Ф.Г. Беренштам, чаепромышленник и чаоторговец К.С. Попов [Дмитриев 2005: 29–35], индолог и иранист Л.Ф. Богданов (преподаватель Курсов востоковедения, член Общества востоковедения, автор трудов по истории Персии, а в дальнейшем библиотекарь Рабиндраната Тагора в Сантаникетане), член Московского

археологического общества М.И. Галашевский. В 1916 г. художник ЭО К.З. Кавторадзе приобрел несколько иранских вещей в г. Шуше Елизаветпольской губ. В 1909 г. в музей поступила небольшая иранская коллекция от директора Тифлисского музея, известного путешественника по Центральной Азии (в составе экспедиции П.К. Козлова) полковника А.Н. Казнакова.

Единичные и малосерийные поступления связаны с именами членов царской семьи, например, великих князей Георгия Михайловича, августейшего управляющего Русским музеем Александра III, и Николая Николаевича младшего (дяди императора Николая II). Среди фондообразователей также товарищ министра императорского двора граф Д.И. Толстой, мастеровелир из Кубачи Саид Магомед Оглы, тбилисский коллекционер М.И. Чарухчев, З. Моняфов, основатели, многолетние сотрудники и руководители музея, которые не специализировались по этому региону, Д.А. Клеменц, Н.М. Могилянский.

В начале 1910 г. в ЭО поступила уникальная коллекция индо-персидских миниатюр, приобретенная в Тегеране агентом российского министерства финансов А.С. Остроградским. Состояла она из 100 ламинированных миниатюрных изображений. Коллекция была выкуплена императором Николаем II и передана в ЭО. После революции, в 1921 г., она поступила в Азиатский музей (впоследствии Институт востоковедения АН СССР). В 1935 г. в Государственном Эрмитаже на выставке, которая была организована к Третьему Международному конгрессу по иранскому искусству, был представлен еще не опубликованный альбом, включавший все миниатюры этой коллекции; в 1955 г. в том же Эрмитаже часть миниатюр была показана на выставке индийского искусства; в 1962 г. альбом был опубликован [Альбом 1962; Дмитриев 2007а: 144–149].

В 1993 г. в музей через художницу Н.П. Нератову поступили акварельные рисунки с изображениями иранцев, а также таджиков и узбеков, сделанные художницей Р.Р. О'Коннель-Михайловской во время ее поездки в Персию в начале 1920-х гг. (позднее она многие годы проработала на Государственном фарфоровом заводе в Ленинграде, где, в частности, создала сервиз по персидским мотивам).

Кроме перечисленных выше коллекций, полученных от частных лиц, фонды музея пополнили вещи, происходящие из государственных собраний — Музея народов СССР, Дворца Искусств (Государственного Эрмитажа), Гатчинского дворца-музея, Петроградского археологического института, а также предметы, полученные из Государственного музейного фонда, Ленинградского музейного фонда и других организаций.

Архивные материалы

- Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. С. 14. Отчет о деятельности Русского музея Императора Александра III за 1901 год. [СПб., 1902].
- Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–12об. Протоколы и стенографический отчет совещаний по вопросам организации Этнографического отдела Русского музея. 1901 г.
- Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 380. Переписка с А. Лорис-Калантаром, командированным в Эриванскую губ. и Карсскую обл. для собирания этнографических материалов по народностям курды-езиды, армяне, персы, татар; описи предметов. 24 л.
- Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 728. Переписка с художником А.П. Эйснером о собирании материалов по этнографии турков, аджарцев, армян, греков и курдов в Абхазии, Сванетии, Батумской и Карсской областях. 14 л.
- Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2011. Торчинская Э.Г. Отчет об экспедиции в Армянскую ССР к курдам и ассирийцам. 22 л.

Библиография

- Аделунг Ф.* Предложение об учреждении Русского национального музея // Сын Отечества. 1817. № 14. С. 54–72.
- Альбом индийских и персидских миниатюр XVI–XVIII вв. / Вступ. статьи А.А. Иванова, Т.В. Грек, О.Ф. Акимушкина; под ред. Л.Т. Гузальяна. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 83 с., 100 отд. л. илл. в папке. (Восточная миниатюра и каллиграфия в Ленинградских собраниях / Под общ. ред. И.А. Орбели)
- Васильева Н.Е.* К.А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.): Сб. науч. трудов. СПб.: Гос. музей этнографии, 1992. С. 41–51.
- Васильева Н.Е.* К.А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XXVI годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР, 1990 (Доклады и сообщения). М.: Наука, 1991. С. 114–126.
- Васильева Н.Е.* Константин Александрович Иностранцев (1876–1941) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XX годич. науч. сессия ЛО ИВ АН СССР, 1985 (доклады и сообщения). М.: Наука, 1986. Ч. 1. С. 10–20.
- Вихман В.Г.* Российский отечественный музей // Сын Отечества. 1821. № 33. С. 289–310.
- Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. М.: ЭКСМО, 2003. 448 с.
- Дмитриев С.В.* История появления в России альбома индо-персидских миниатюр // Восток = Orients: Афро-азиатские общества: история и современность. М., 2007а. № 1. С. 144–149.
- Дмитриев С.В.* К истории развития идеи создания Российского национального музея в XIX в.: Концепция князя Г.Г. Гагарина (1855) // Собор лиц: Сб. статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 118–125.

- Дмитриев С.В.* Коллекция хана Букеевской орды Джангера // Россия и тюркский мир: Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы: II Международная научная конференция, 5–7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007б. С. 114–123.
- Дмитриев С.В.* К.С. Попов — предприниматель-чаепромышленник и коллекционер // Вестник Восточного института = Acta Institutionis Orientalis. СПб., 2005. Т. 10. № 1–2 (19–21). С. 29–35.
- Дмитриев С.В.* Проект создания «Отечественного Российского музея» П.П. Свинына и его место в истории русской музеологической мысли // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004а. С. 186–193.
- Дмитриев С.В.* Экспедиция Этнографического отдела Русского музея в Ванскую область // Этнографический источник: Материалы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Рос. этнограф. музей, 2004б. С. 152–159.
- [*Кононов 1989*] Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Подгот. А.Н. Кононов. 2-е изд., перераб. М.: Наука, 1989. 298 с.
- Леббок Дж.* Начало цивилизации. СПб.: Ред. журн. «Знание», 1876. 350 с.
- [*Массальский 1887*] Очерк пограничной части Карсской области: Предварительный отчет кн. В.И. Массальского. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 35 с.
- Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М.: Наука, 1977. 766 с.
- Могилянский Н.М.* Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // Живая старина. 1911. Год 20. Вып. 3–4. СПб., 1912. С. 473–498.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1912 г. СПб.: Б.и., 1913. 244+251+22 с.
- [*Радлов, Бартольд 1913*] О командировании А.Н. Самойловича в Ставропольскую губернию // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1913. Сер. 2. С. 30.
- Решетов А.М., Дмитриев С.А.* Музейная деятельность в научных занятиях А.Н. Самойловича // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 265–270.
- [*Самойлович 1913*] Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар (Отчет о командировке в 1912 г. прив.-доц. А.Н. Самойловича) // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1913. Сер. 2. С. 54–74.

- Селинкова Е.Я.* Собиратель кавказских коллекций РЭМ А.П. Эйсер // Этнографический источник: Материалы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РЭМ, 2004. С. 159–165.
- Сотрудники императорского Эрмитажа, 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. 72 с.
- Токарев С.А.* Истоки этнографической науки (до сер. XIX в.). М.: Наука, 1978. 167 с.
- Функ Е.* Этнографические музеи в капиталистических странах // Советская этнография. 1933. № 1. С. 173–183.
- Хрулев С.* Проект Устава товарищества для развития торговли с Среднею Азиею. СПб.: Изд. «Журнала мануфактур и торговли», 1863. 48 с. [Приложение к «Журналу мануфактур и торговли». 1863. Т. 9].